

**ДИНАМИКА МОЛОДЕЖНОГО НОНКОНФОРМИЗМА НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ
ИНФОРМАЦИОННЫХ СВОДОК РКСМ (1920 – 1928 гг.)*****Р. В. Рыбаков*****DYNAMICS OF YOUTH NONCONFORMISM ON THE BASIS
OF RKSM INFORMATION MATERIALS (1920 – 1928)*****R. V. Rybakov***

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 15-06-05864а.

В статье предпринята попытка исследования феномена молодежного нонконформизма в исторической ретроспективе 1920-х гг. В качестве основного источника выступают архивные документы, в частности отчеты центральных и местных органов РКСМ. Выдвинуто предположение, что содержащиеся в документах статистические данные могут служить критерием определения динамики молодежного нонконформизма. Анализу подвергнуты такие количественные показатели, как изменение численности комсомольских организаций, количество добровольно выбывших и исключенных, процентное соотношение причин исключения. Сделан вывод о постепенном увеличении с середины 1920-х гг. протестных настроений в среде молодежи.

The paper provides an attempt of researching the phenomenon of youth nonconformism in a historical retrospective of the 1920s. Archival documents, particularly the reports of the central and local cells of the Russian Communist League of Youth (RKSM) act as the main source. The assumption is made that the statistical data contained in the documents can serve as the criterion for defining the dynamics of youth nonconformism. Such quantitative indices as change in the number of Komsomol organizations, the number of members who voluntarily left and were excluded, the percentage ratio for the reasons of exclusion are subject to the analysis. The conclusion is drawn about the gradual increase of protest moods in the youth environment since the mid 1920s.

Ключевые слова: молодежь, молодежные организации, нонконформизм, РКСМ, комсомол.

Keywords: youth, youth organizations, nonconformism, RKSM, Komsomol.

В 1920-е гг. единственной легальной молодежной организацией, через которую власть распространяла официальные установки, формировала коммунистические ценности, а также пыталась контролировать поведение подрастающего поколения, оставался Российский коммунистический союз молодежи (РКСМ). В течение этого периода комсомол активно развивался, увеличивалась его численность и значимость в системе советского управления. В то же время ему не удалось избежать кризисов, которые выражались в количественном сокращении, ликвидации и распаде ячеек, росте числа разочаровавшихся и недовольных работой организации. Одной из тенденций 1920-х гг. стал рост молодежного нонконформизма, выражавшийся в различных формах протеста против проводимой социально-экономической политики, формировании внутренней комсомольской оппозиции. В качестве критерия определения динамики молодежного нонконформизма может рассматриваться изменение количественных показателей РКСМ. Действительно, численный рост членов коммунистического союза свидетельствует о принятии молодежью системы официальных ценностей, следовательно, низком уровне нонконформизма, и наоборот, сокращение этого показателя говорит об отказе следовать определенным нормам и потенциале распространения оппозиционных настроений в среде подрастающего поколения.

Обратив внимание на диаграмму общего количества членов РКСМ по годам (диаграмма 1), можно увидеть, что в июне 1921 г. и октябре 1922 г. числен-

ность молодежных организаций сокращалась до 250 тыс. человек, а начиная с апреля 1923 г. начался ее бурный рост. Попытаемся проследить, какие именно причины послужили изменению показателя и можно ли указанные данные интерпретировать как экстремумы в динамике молодежного нонконформизма.

Количественные колебания молодежи в составе комсомола в 1920 – 1922 гг. были вызваны массой причин. С одной стороны, они объясняются серьезными пробелами в области учета, так как «приблизительная» численность организаций записывалась либо со слов делегатов на местных уездных и губернских конференциях, либо попадала в официальную статистику с отчетами секретарей и неизбежными в то время попытками преувеличения масштабов коммунистического движения. В 1921 г. по стране прошла перерегистрация, в результате которой, как тогда говорили, комсомол очистился от «мертвых душ», и его численность упала до 250 тыс. человек. С другой стороны, колебания были вызваны объективными причинами, внутренними проблемами и противоречиями. Первые молодежные организации, создаваемые, например, в Сибири в начале 1920-х гг., испытывали большие трудности. За исключением городов это были небольшие ячейки численностью 10 – 15 человек, ограниченные в средствах для практической работы. В условиях отсутствия устойчивой связи и руководства со стороны центральных органов РКСМ местные союзы возникали под разными названиями: «Кружок красной молодежи», «Коммунистический культпросвет» [6], и фактически выполняли культур-

но-просветительские, образовательные функции, привлекали молодежь спектаклями, литературными и хоровыми кружками. Подрастающее поколение активно шло в такие организации, предоставлявшие им возможности для самореализации и удовлетворения творческих потребностей. Политическая работа была сведена к минимуму. Так, вспоминая историю ячейки

с. Волчихи Славгородского уезда Омской области, ответственный секретарь отмечал, что доклады на политические темы «делались или политиком или каким-нибудь приезжим партийцем. Наша братва только слушала и можно сказать уверенно, что большинство ничего не понимало» [2, д. 1, л. 10].

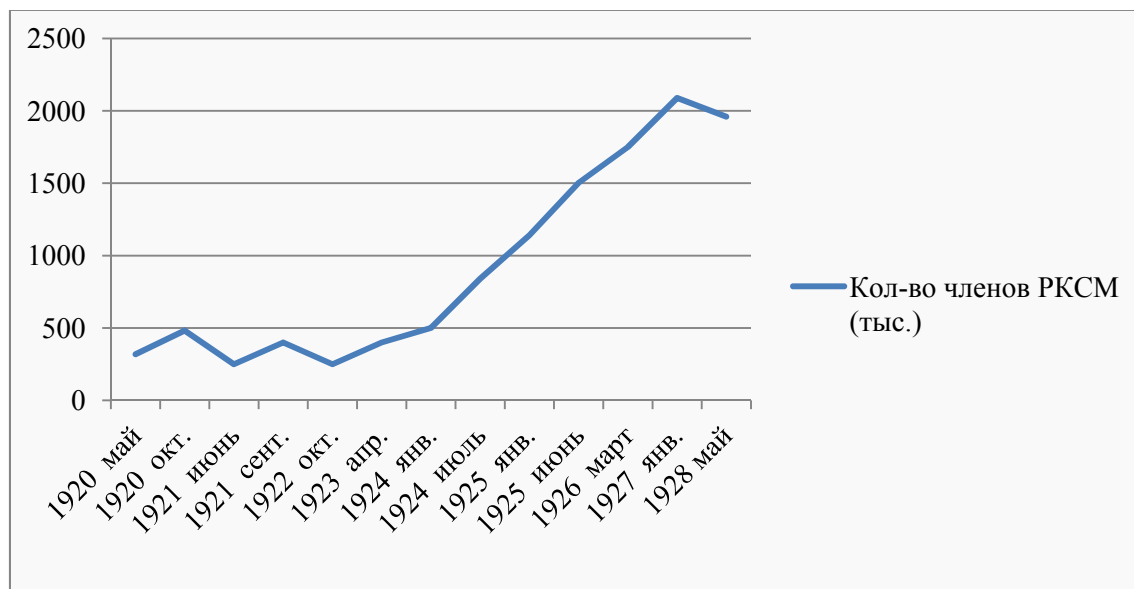

Диаграмма 1. Количество членов РКСМ по годам

В условиях низкой политической грамотности ЦК комсомола принял решение активизировать работу по изучению программы и устава РКСМ [1, д. 28, л. 3]. Политическое образование стало одним из главных занятий молодежи. Увлечение театрами, музыкой, танцами объявлялось элементами мещанской культуры, от которых следовало либо отказаться, либо ограничить. Ужесточалась дисциплина, теперь за неявку на собрание комсомольцы могли быть подвергнуты не только выговору, но и материальному наказанию в виде обязательства покупать комсомольскую периодику или внеочередной работе на субботнике. Анализ архивных документов и периодической печати, содержащих заявления молодых людей о выходе из состава организации, позволяет сделать вывод о причинах подобных поступков. В качестве примера приведём заявление члена Средне-Краюшинской ячейки РКСМ Тугарева Алексея: «Настоящим прошу исключить меня из членов РКСМ, так как я не умею состоять в организации, потому что увлекся собраниями беспартийной молодежи и разочаровался в организации РКСМ в чем и подписуюсь» [5]. Сокращение численности комсомола в начале 1920-х было вызвано изменением статуса союза, сменой ориентиров деятельности, превращением его в один из инструментов политического контроля, что неизбежно привело к утрате интереса со стороны молодежи и предпочтении еще функционирующих культурно-просветительских кружков. Осознанного неконформизма в виде идеологического протеста в подобных действиях было мало.

Несмотря на некоторое сокращение численности организации, в 1923 г. ее рост продолжился. Безусловно, для части молодежи комсомол выступал сред-

ством достижения пропагандируемых коммунистических идеалов, с ним они ассоциировали свое настоящее и будущее молодого советского государства. Однако рост РКСМ объясняется не только этим. На протяжении 1920-х гг. роль коммунистического союза в жизни подрастающего поколения повышалась. Организация активно участвовала в контроле рабочего законодательства, медицинском освидетельствовании, предоставляла возможность получать образование, что, безусловно, повышало ее авторитет и доверие со стороны молодежи.

Однако с 1925 г. темпы роста комсомольской организации падают. Если в 1924 и 1925 гг. в организацию вступало в среднем 600 тыс. человек, то начиная с 1926 г. эта цифра составляла 350 тыс. и наметилась тенденция ее дальнейшего снижения [7, д. 821, л. 22]. При этом следует отметить, что процент молодежи, состоящей в комсомоле, был крайне мал (по подсчетам В. И. Исаева, не более 3 % [3, с. 66]), следовательно, ресурс пополнения кадрами далеко не был исчерпан.

С 1924 г. комсомольская статистика стала более подробно останавливаться не только на общем количестве членов, но и на численности вступивших, выбывших добровольно и исключенных. Любопытным представляется показатель процентного отношения исключённых членов комсомола к принятым: он неуклонно возрастал и к 1928 г. достиг 20 % (1924 г. – 7,4 %, 1925 г. – 8 %, 1926 г. – 10 %, 1927 г. – 15 %, 1928 г. – 20 %) [7, д. 316, л. 38 – 44; д. 495, л. 99; д. 661, л. 14]. Для того чтобы понять, есть ли зависимость между этим показателем и молодежным неконформизмом, необходимо выяснить, за что из комсомола исключали.

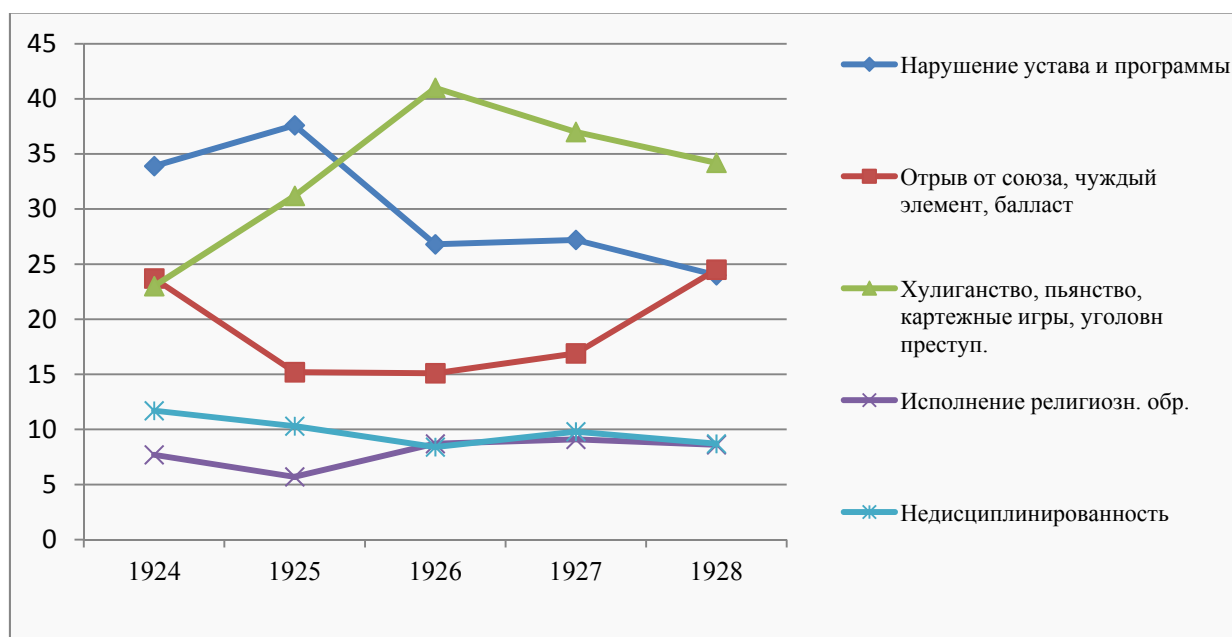

Диаграмма 2. Динамика причин исключения из комсомола в процентном отношении

Примечание автора: диаграмма составлена на основе документов, хранящихся в РГАСПИ Ф. М-1. Оп. 23. Д. 316. Л. 99 – 101; Д. 495 Л. 98-102; Д. 509. Л. 13 – 19.

На протяжении 1924 – 1928 гг. большой процент исключений приходился на хулиганство, пьянство и уголовные преступления. По своей природе данные деяния не могут быть квалифицированы как проявления нонконформизма, однако 1920-е гг. – особое время. В условиях острых социальных противоречий, деградации прежней системы ценностей и массового духовного нигилизма девиантное поведение не просто культивировалось в среде молодежи, а воспринималось как необходимый элемент борьбы за новую советскую культуру. Как верно подметил В. И. Исаев, «хулиганство коммунистической молодежи, по-видимому, являлось для многих продолжением революции другими средствами, когда захват контроля над окружающими силой являлся способом реализации своих представлений и амбиций» [3, л. 67]. То есть в условиях послереволюционных социальных изменений антисоциальное поведение может быть интерпретировано как проявление нонконформизма, основным содержанием которого стал протест против старого мира, порядка, ценностей, с целью установления новых, а также резкое неприятие социально-экономической политики, введения НЭПа, нежелание мириться с тяжелой экономической действительностью.

Несмотря на активную пропаганду атеизма и борьбу с различными верованиями, в 1920-е гг. оставался высоким процент исключений за исполнение религиозных обрядов. Этот факт говорит о том, что часть молодежи в тайне продолжала верить в бога и не принимала официальные атеистические установки, хотя и пребывала в составе комсомола. Действительно, подрастающему поколению отказаться от традиционного мировоззрения, особенно в сельской местности, было сложно. Под давлением родственников или своих возлюбленных комсомольцы вынуждены были ходить в церковь, осуществлять обряд венчания, участвовать в религиозных праздниках, ставя под угрозу свое членство в рядах РКСМ. Такой институт

социализации, как семья, здесь все еще имел решающее влияние. Не редкими были случаи исключения из союза за распространение сектантской литературы. Следует отметить, что в исследуемый период активизировалась деятельность среди молодежи представителей неортодоксальных конфессий [8]. В результате часть комсомольцев, попадая под влияние этих групп, предпочитала некоммунистические духовные ценности, добровольно или вынуждено покидала организации комсомола.

Политическая грамота комсомольцев на протяжении 1920-х гг. оставалась низкой. Поэтому любопытно, что процент исключений за незнание устава и политической программы после 1925 г. сокращался. В то же время увеличивался такой показатель исключений, как «отрыв от союза, чуждый элемент, балласт». Руководство коммунистического союза пришло к выводу, что из-за политической безграмотности чаще других исключению подвергалась рабочая и крестьянская молодежь, в то время как интеллигенция весьма успешно справлялась с проводимыми проверками в виду ее «изворотливости» [7, д. 316, л. 46 – 47]. В условиях курса на сто процентный охват комсомолом рабочей молодежи [4] было принято решение более лояльного отношения к недостаткам в области политического образования, при этом борьбу с чужеродными элементами следовало усилить. Именно поэтому возросло количество исключений, попадавших под критерий «отрыв от союза, чуждый элемент, балласт». Обращает на себя внимание тот факт, что рост показателя совпал с активизацией внутрипартийной борьбы, которая неизбежно распространилась на комсомол. Вслед за партией постановлением 21 декабря 1927 г. ЦК ВЛКСМ признал принадлежность к троцкистской оппозиции, несовместимой с пребыванием в комсомоле [7, д. 665, л. 2]. Исключению подвергались все, кто пытался выразить сомнения в правильности политической линии, возразить против обвинений в адрес троцкистов. Именно этот показатель как нельзя

лучше характеризует рост молодежного неконформизма.

Исследовательский интерес представляют цифры добровольного выхода молодежи из комсомола, которые на протяжении второй половины 1920-х гг. увеличивались. Так, в 1925 г. по личному заявлению было 15125 и 93171 чел. вышло механически (т. е. ушли из комсомола или потеряли с ним связь), в 1926 г. 8667 и 121762 чел. соответственно, в 1927 г. всего вышло 283020 чел., за первое полугодие 1928 г. эта цифра составила 30111 и 98002 чел. соответственно [7, д. 661, л. 39]. Отмечая рост болезненных явлений, в официальном докладе ЦК ВЛКСМ заявил о соотношении, когда на 15 приходящих – 10 выходит из комсомола [7, д. 821, л. 22]. Главная причина, по мнению центрального органа, заключалась в чуждых влияниях на молодежь сектантских, мелкобуржуазных, антикоммунистических сил. Между тем в значительной части заявлений о выходе из союза прослеживаются мотивы, связанные с неудовлетворенностью внутренней работой, содержатся обвинения в отсутствии реальной демократии в жизни комсомольских организаций: «запрещают говорить на собраниях», «актив командует, а не учит», «в комсомоле одни бюрократы и карьеристы» и т. п. [7, д. 495, л. 50]. Подобные настроения стали источником альтернативных взглядов на будущее развитие комсомольского движения. Под сомнения попала главная идея пролетарского руководства в организации. Инструктор ЦК Барашев в отчете писал: «в одной ячейке учащихся актив начал развивать теорию о рабочей аристократии в комсомоле, делая попытку истолковать внутрисоюзную демократию как отрицание пролетарского руководства в комсомоле» [7, д. 495, л. 52].

С 1925 г. информационные сводки комсомольских ячеек все чаще стали содержать сведения о формировании антикомсомольских группировок как внутри организаций (под лозунгом: «работать в комсомоле для борьбы с комсомолом» [7, д. 661, л. 23]), так и существовавших самостоятельно. К сожалению, разрозненность данных не позволяет осуществить точный подсчет, но то обстоятельство, что их количество увеличивалось не вызывает сомнений. Как правило, организаторами подобных объединений высту-

пали действующие или бывшие комсомольцы. Характерны и названия этих групп: «Луч правды», «Долой Косых» (т. е. комсомольцев), «Свободолюбивая Молодежь», «Коммунистическая организация по борьбе с несправедливостями» и пр. Молодежь объединяла неудовлетворенность работой комсомола, пренебрежение интересами низовых групп, убежденность в отходе от учения Ленина, согласие с основными тезисами партийной оппозиции, активное неприятие тоталитарных тенденций. Кроме традиционных методов агитации и пропаганды в работе использовались распространение песен и вершей, в которых указывалось, что рабочим живется скверно, их эксплуатируют и т. д. Например, в с. Воронцовке Воронежской губернии бывшими комсомольцами было распространено воззвание, содержащее следующие заявления: «Анархо-коммунистическая группа молодежи» недовольна существующим руководством партии над комсомольцами; недовольна линией проводимой в комсомоле; недовольна отрывом комсомола от беспартийной массы; не удовлетворяется узостью существующего в комсомоле воспитания, отсутствием развития самостоятельности членов; недовольна подавлением критики, если нам не дадут возможности работать легально, то мы готовы и к нелегальной работе» [7, д. 661, л. 24].

Таким образом, проведенный анализ количественных показателей показывает рост молодежного неконформизма в течение периода 1920 – 1928 гг. Это проявилось в сокращении темпов роста комсомольских организаций, увеличении количества добровольных выходов и исключений, а также оппозиционных групп. Содержательно-исторический анализ отчетов, заявлений комсомольцев, писем в центральные органы власти позволил выявить основные причины, способствующие этому процессу. Они заключались в росте неудовлетворенности молодежи работой союза, его чрезмерной политизацией, разногласиях в вопросах социально-экономической политики, отсутствии реальной внутренней демократии. Рост неконформизма стал следствием сложных социальных процессов, переживаемых российским государством.

Литература

1. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО) Ф. П-187. Оп. 1.
2. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО) Ф. 36. Оп. 1. 3.
3. Исаев В. И. Военизация молодежи и молодежный экстремизм в Сибири (1920-е начало 1930-х гг.) // Вестник НГУ. (Серия: История, филология). 2002. Вып. 3. Т. 1. С. 63 – 70.
4. Кудинов В. А., Омельченко Д. А., Попова О. В. История молодежного и детского движения в России. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. 384 с.
5. Молодежь Алтая. Барнаул. 1923. 18 февр.
6. Молодой рабочий. Томск. 1924. 1 янв.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. М-1. Оп. 23.
8. Рыбаков Р. В. Религиозные объединения молодежи в 1920-е годы // Динамика систем, механизмов и машин. 2014. № 6. С. 213 – 215.

Информация об авторе:

Рыбаков Роман Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Омского государственного технического университета (ОмГТУ), roman-rybakov@mail.ru.

Roman V. Rybakov – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Russian History, Omsk State Technical University.

Статья поступила в редколлегию 31.08.2015 г.